

Фильм «Девять дней одного года» в постановке Михаила Ромма я увидела в семнадцатилетнем. Господи, какие в нем играли актеры — Николай Плотников, Иннокентий Смоктуновский, Алексей Баталов! Казалось бы, ну что можно было понять в мире физиков, в их непростых отношениях друг к другу девчонке! Однако же произошло какой-то настолько сильный духовный толчок, что и сейчас, десятки лет спустя, я, кажется, помню все детали картины. А уж призывы «Откроем частицу в текущем квартале» и афоризм «Ни одна, даже самая совершенная общественная формация не в состоянии избавиться себя от дураков», по-моему, бьют прямой наводкой и в наш сегодняшний день.

Фильм глубоко драматичен. Герой Баталова гибнет ради своего дела. Но почему от картины осталось куда более светлое и жизнеутверждающее впечатление, чем от сегодняшних кинотворений, демонстрирующих либо излом и падение человеческой души, либо заумь, либо откровенную «чернуху»? Разве вера в идеал, в людей, на которых хотелось бы равняться при всей их внешней простоте и ироничности, уже никому не нужна? Кто изменился — мы или искусство? Об этом мы и начали свою беседу с Алексеем БАТАЛОВЫМ.

— Если говорить серьезно, то в силу своего возраста я стал гораздо больше интересоваться тем, что когда-то упустил, недочитал, недосмотрел, — я имею в виду и классическое кино, и живопись, и то, что называется прошлым...

На многое из того, что сейчас происходит в искусстве, мне просто жаль времени. Умом-то я понимаю, что, наверное, надо пытаться знать как можно больше. Но вот мне показывают, и с претензией на психологизм, как решить сексуальные проблемы школьниц, на которых и смотреть-то страшно. Курят, неопрятные, нечесанные. Их не то что думать, трусы стирать еще не научили. Но — «окно в Европу»!

Скандальные материалы стали частью сегодняшней жизни. Без них не обойтись. Можно ли обо всем говорить? Можно. Но ради чего? — вот в чем вопрос. По-моему, нынче и средства массовой информации, и очень многие люди искусства удивительно однообразны в поисках темы и ее подаче. Однообразны цели, и именно они, как бы просвечивая сквозь материал, определяют уровень и публикации, и постановки, и даже внешней атрибутики. Слишком видно, что истинные хлопоты создателей-творцов не выходят за рамки страстного желания заработать, или вырваться в загранку, или просто любой ценой вынырнуть на поверхность.

— Но оказалось, что, когда идеалы рухнули, а кумиры измелечали, людям стало особенно потребно что-то светлое и близкое. Только вы меня правильно поймите — близкое — это не то, что дорожку перейти — и вот оно. Близкое по мученичеству и страстности, в котором пребывает народ, ожесточившись. Светлое — как свет в конце туннеля, как надежда, как врачевание души...

— Вот, вот. Это и есть тяга к идеалу, о котором мы говорим. Флоренский, Ахматова, Сахаров... Слова и мысли каждого из них обеспечены золотым запасом добра, мудрости и страдания. Посмотрите — Андрей Дмитриевич Сахаров, к примеру, когда-то в представлении многих благополучный создатель смерти, вдруг резко, драматично да и просто невыгодно для себя поворачивает свою судьбу. Вступает в сражение со всей государственной машиной. Он касался любых запрещенных к публикации фактов. Если он выступал против войны или в защиту прав человека, то широко пользовался множеством примеров и аргументов. Но все это было просвещено его личностью, подчинено делу жизни, выстраданно им. Ни о своей ссылке, ни о пережитом лично им он говорить не любил и, до конца сражаясь за свои идеалы, ушел из жизни, переступив свое бытие, оставаясь для нас и сегодня необходимым.

Боязно осуждать тех, кто молчал, переживая. Или искал удачу на стороне. Может, кто что и найдет — пути неисповедимы, но, конечно, запас оказался гораздо менее того, каким мерещился в потемках. Ждали очередной оттепели и подсознательно были уверены: вот теперь-то мы по-

нажем и Пастернаку, и Ахматовой. А когда пришло время собирать камни, тут и оказалось, что и хороших книг, и картин хватило только на первый вздох.

— Ну вот, этот «вздох» сделан. А что дальше? Какая духовная пища для наших людей, особенно молодых, готовится сегодня на «кухне», скажем, телевизионной? Очередной конкурс «Мисс-90» с призами в виде машин иностранных марок и норковых манто? А почему все-таки мисс? Но

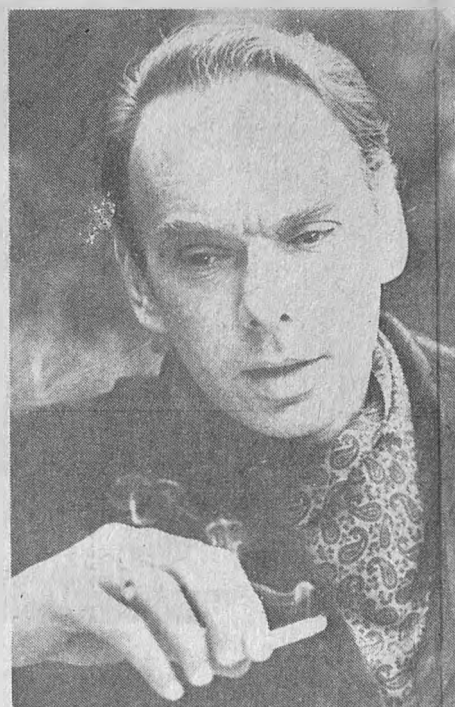
с другой стороны, вроде бы и «Гражданка-90» не звучит. Лихо подхватываем чужое, не ломая голову над тем, каково нищим, обманутым не раз людям все эти «объедки с барского стола» видеть...

— Сегодня больше торгуют верным товаром, чем ищут таланты или меценатствуют. Вернее лишний раз прокатать кассовую поделку, чем вынести на суд зрителя что-то спорное. Надежнее переиздать записки Вырубовой или тайные подробности жизни Чайковского, чем опубликовать книгу неизвестной старушки, написавшей о буднях Бутырки. Вот почему я подписываюсь под программой министра культуры СССР Н. Губенко — помогать тем, кто этого стоит. Кто творит культуру, а не торгует ею.

Талантливых сколько было, столько и осталось, независимо от того, тут они или за рубежом. А связей и перекупщиков сильно поприбавилось. Но и это не пустое дело. Просто следует помнить, что Ростропович вследствие перестройки не размножился, даже не раздвоился, он так и остался одним Мстиславом Ростроповичем — великим, единственным в своем роде музыкантом. В наших «трех копейках» на культуру он, к счастью, тоже не нуждается, и, стало быть, главное теперь как-то устроить, помочь, облегчить дорогу тому, кто завтра станет Ростроповичем. Ведь уже сегодня он где-то и по многу часов репетирует...

Вот сейчас мы много говорим об артистических кооперативах. Есть там и прекрасные спектакли, и новые имена. Но и спекуляции на этом деле предостаточно. Говорят, мол, сначала надо хорошенько заработать, чтобы потом легче было творить. Сначала я буду разрисовывать туалеты на Тверской, а потом примусь за Джоунду? Так что ли? Да и сколько же надо заработать, чтобы шедевр оказался тебе по плечу?

Искусство для рационализированного общества всегда некое архитектурное излишество. В самом деле, зачем колоннада, когда в избе и так



Алексей Баталов, народный артист СССР

ОТЫСКАТЬ ШЕДЕВР

тепло? О пирамиде и говорить страшно! У нас вон камень для могилы и тот нынче роскошь. Потому, конечно, во все времена, так или иначе, искусство нуждалось в покровительстве. Но кто судья, кто разглядит истинные достоинства творения? Великие создания — великая ценность, гордость и, если угодно, образ целой эпохи. Это ценность, разумеется, и в денежном выражении, но чаще потом. Вот почему подлинное меценатство — это, конечно, прежде всего пожертвование во имя...

Из картинки, которой расплатился Ван Гог со своим хозяином, тот сделал дверцу курятника. Теперь она стоит 40 миллионов. Автор «Моби Дика» Мелвилл умер в бедности. Модильяни тоже позднозато заметили. А какие были умы, какие снобы, какие знатоки блистали среди их современников!

Чехов строил дом под долговое обязательство. Достоевский не успевал поправить рукописи. Пушкин умер в долгах. Бетховен... Короче говоря, и до нас плохо удавалось угадать, а тем более, сразу перелить в доход то, что потом определило лик и уровень мировой культуры.

— Сейчас это и того труднее. Рушится одно и утверждается другое и т. д. Поток поделок и сочинений разного стиля, уровня, назначения буквально захлестывает. До идеалов ли тут?

— Взрыв такой силы не может быть чистеньким. А перестройка — это взрыв. На поверхность жизни вместе с бесценными сокровищами и именами вывернулись всякий хлам, злоба, грязь. Но как бы ни было трудно, заветные мечты многих поколений, скажем, о торжестве справедливости, о достоинстве человека, о свободе остались. Пусть будет по-вашему, назовем это идеалом, но воплощается он в неких деяниях, судьбах, творениях опять-таки через людей. Конечно, глядя назад, их легче отыскать, но суть от этого не меняется. В любые времена кто-то являет собой

соль земли, и в силу этого назначения служит высочайшим идеалом.

Конечно, есть такие беззаветно преданные и в современном искусстве. И чем скорее мы узнаем о них, тем более выиграет общество на пути к своему оздоровлению, к обличу человеческого.

Я уже говорил, что для искусства не существует запретных тем. Но сегодня в разговорах о том, что безнравственно, а что нравственно показывают, мы как-то не задаемся важным, на мой взгляд, вопросом: кому и когда это будет показываться.

На головы голодных людей обрушиваются с экрана витрины западных магазинов. Перед бездомными беженцами разглагольствуют о чистоте языка их предков. Запуганные бандитизмом старушки получают на ночь свою порцию чтива о новых способах ограбления с кровавыми иллюстрациями... Все это правда, и довольно долго от нас ее скрывали. Если гласность — пусть знают обо всем. Но ведь в доме повешенного не говорят о веревке. Во всяком случае, добрые люди не говорят...

— Мы говорим о нравственности, а я вспоминаю московский микрорайон

Библирево, в котором имею честь проживать. Большинство населения — лимитчики, которые и в деревне корни потеряли, и к городу толком не приросли. Повальное пьянство, мат. Иду как-то по улице вечером и вижу две группы девушек лет по тринадцать, накрашенных, то ли одетых, то ли раздетых. Стоят друг против друга и матерятся — кто кого переругает. Что каждой из них до Чехова, если она уже пьет и видела, сколько мужиков через мать прошло!

— Господа, которые вещают нам об утере нравственности, как правило, к себе это не относят. Боясь, что многие из них ее сами давно потеряли. Безнравствен народ? А у кого же ему учиться, если мы знаем, как безнравственно и бесстыдно борются за теплое место и сладкий кусок те, кто еще вчера на митингах крушил прошлое. Если наука наша ханжески и лицемерно облекает в истину и припудривает теорией любой очередной бред и невежество тех, кому служит в данный момент.

Вот вы говорите о девочках из Библирева, но разве только в этом богом забытом месте они становятся маленькими потаскушками? А в это время седовласый профессор по первой программе телевидения с умным видом рассуждает о сексуальном образовании и искусстве эротики. Да не этому пока их надо учить, а тому, чтобы они усвоили основные правила гигиены, поняли, как необходимо вовремя мыться и почаще расчесывать свои свалывшиеся космы. Девчонки элементарных вещей не знают и не понимают, а мы им толкуем о способах любви. Сумасшедшая старуха в горящем замке — сказал бы об этом абсурде Евгений Шварц.

Безнравственность давно проникла и в средства массовой информации. Не только у нас. Во время вьетнамской войны американцы, потратив огромные средства, через спутниковую связь показали передачу с места боя. Ну футбол же интереснее смотреть по прямой трансляции, решили,

что и это зрелище достойное. И подобное считалось чудом современной журналистики: завтра в два часа начнем убивать друг друга, и вы все это увидите, сидя за ужином. Век коммуникаций грозит многими искушениями. И деньги уже отпускаются не только на зрелище, но и на смерть. Отсюда равнодушие людей к чужой гибели. Но, право же, любопытство толпы, собравшейся возле задавленного, — это не лучшее из любопытств.

— Алексей Владимирович, слушая ваши размышления, очень трудно представить вас в «кресле» председателя комиссии ВЦСПС по премиям в области литературы, искусства и журналистики. Для роли «свадебного генерала» вы вроде не годитесь... Значит, вы взваливаете на себя груз, да еще какой!

— Как же Лев Толстой заметил, что облегчение в книгопечатании приведет к распространению всякой гадости и уж наверняка уменьшит долю истинно ценных человеку книг и мыслей. Как в воду глдед!

Я трезво понимаю, что комиссия по премиям, которую оставил на меня Губенко, это по нынешним временам совершенно безумное предприятие,

и лучше бы всем нам скорее разбегаться по домам, чем пытаться разглядеть да еще оценить этот несущийся с гор поток, скорее напоминаящий сель, чем хрустальный родник культуры.

Конечно, мы и ошибемся, и будем поруганы, но не дает сбегать простое мужицкое соображение... Лежат деньги на самое доброе нищее дело. Ну как тут поленишься и не раздать их? При том, что пропадают наши великие, неповторимые художественные промыслы. Вологодские кружева, что в Париже кусочками на бархате выставляют, палехские росписи, платки павловопосадские... Бедствуют потомственные умельцы: и звонари русских церквей, и мастера деревянной архитектуры, и резчики по камню, и кузнецы... Это уж не говоря о том, сколько фильмов накручено энтузиастами, как разнообразна еще вчера подпольная живопись.

Профессиональные союзы — это, по-русски говоря, артели мастеров. Забытые, а ныне почти забытые, они первые заслужили и поклон наш, и хоть копейку за все годы терпения.

Как отыскать лучших, как и кому судить, как устроить новый порядок всей процедуры подобного дела — вот о чем перво-наперво придется думать нашему собранию.

За десятилетия награждений накопилась инерция, которую очень трудно преодолеть. Сам порядок выдвижения толкает на старый путь, а нужен совсем и принципиально новый. Посмотрите перечень книг, выдвинутых на соискание премий. Книга очерков «Шаги перестройки в лесном комплексе», подготовленная коллективом работников центральной и местной прессы, представлена Карельским обкомом профсоюза лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Нет, я далек от мысли перечеркивать ей коллективный труд. Может, в лесу он кому-то и пригодится. Но выдвигать его на премию после того, как у нас есть леоновский «Русский лес», книги Федора Абра-

мова и Виктора Астафьева? Какова же будет цена этой премии! А вот еще: два составителя собрали в сборник общественно-политических статей газетные публикации многих уважаемых и популярных авторов. Так кому же премию давать? Тем, кто статьи писал, или тем, кто их из газеты вырезал? Тем более что в Мюнхене нынешних изданий вы столько хлестких неожиданных книг найдете, что глаза разбегаются. Значит, речь идет о какой-то более совершенной системе отбора. Сейчас для комиссии, подобной нашей, очень трудные времена. Потому что распадение на разные группы, если угодно, назовите их фракциями или направлениями, превращается в конфронтацию внутри любой студии, театра или писательского союза и тем усложняет возможность серьезного, объективного выбора, привнося в него много личного.

В прежние годы всяческие премии очень легко попадали в одни и те же руки. Конечно, и сегодня никто не возразит, если снова награждать, скажем, Святослава Рихтера или по-смертно Дмитрия Шостаковича. Но ведь дело-то в том, чтобы помочь слабому, незаслуженно забытому или истинно новому.

И, наконец, еще одно, важнейшее преимущество нашего времени, которое, на мой взгляд, необходимо ставить во главу угла любого дела. Компетентность, профессионализм, высокое знание ремесла.

Сегодня все общество болезненно, как змея, вылезает из шкуры «высших интересов народа», прикрываясь которыми, любой власть имущий профан мог судить о вещах, делах и людях, ничего решительно не понимая в той области, которая досталась ему в управление. Как в сатанинской коллоте карт, любая фигура могла окатиться, а нередко действительно была вовсе не тем, что она изображала. Ни знания, ни опыт, ни мастерство, ни талант, ни всемирный успех не могли защитить человека от бредовых требований или оценок этих «носителей народных интересов».

Так вот теперь наш долг — вернуть достоинство и значимость каждого дела и каждого человека в реальное измерение.

Было бы крайне наивно полагать, что деньги, розданные в виде премии, залатают прорехи в одеждах нашей культуры. Сегодня гораздо важнее другая сторона деятельности всех подданных комиссий, комитетов или жюри. Она заключается в самом качестве отбора, в коллективной возможности указать на то, что достойно внимания. Именно сейчас, в сумбуре и потоке всего на все вкусы, высокие, неподкупные, не обремененные диктатом, модой, истерикой дня, специалисты могут и должны, на мой взгляд, отыскать то, что соответствует (и теперь — к самому началу нашего разговора) общечеловеческим ценностям, идеалам художественным, нравственным, духовным. Внимание признанных художников, публичность обсуждения, сама возможность явиться на суд публики в наше время дороже денег или уж во всяком случае вровень с теми несметными миллионами, которые тратят на рекламу удачливые предприниматели.

Я говорил о союзах, о гильдиях, даже об артелях. Так вот, и искать, и судить, и раздавать награды должны только те, кто способен оценить все тонкости, все скрытые от постороннего глаза достоинства работы, как бы проста она ни казалась.

Сегодня правда, справедливость, честь, высокие интересы и помыслы — едва ли не самый редкий товар на нашем и без того разоренном рынке.

Беседу вел
Ирина ПИРОГОВА.